

СИрения

**ИСКРА ДЛЯ УГАСАЮЩЕГО
МИРА**

УДК 7.04
ББК 85
С40

СИрения

С40 Искра для угасающего мира / СИрения – М.: Литнет, 2026. – 152 с.

ISBN 978-5-521-99502-8

После страшной аварии я возродилась в угасающем мире, где земля отравлена болотами, а небеса прокляты ангелами. Моя миссия — снять это проклятие. Но я не справлюсь в одиночку. Мне предстоит объединить моих истинных: альфу оборотней и повелителя эльфов заставив их забыть о многовековой вражде. Вместе мы должны найти и возродить Источник Жизни, пока этот мир не погрузился в хаос окончательно.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99502-8

© Литнет, 2026
© СИрения, 2026

Глава 1

Искра

Вечер выдался промозглым и безрадостным, точно сама осень выжимала душу из города, оставляя после себя лишь мокрый асфальт и ошметки желтой листвы в лужах. Я шла по обочине, уворачиваясь от брызг проносившихся машин, и думала о коте. Накормила ли его мать. О том, что молоко в холодильнике наверняка прокисло, а он терпеть не может прокисшее молоко. О незаконченном отчете, который ждал меня на столе, о ворохе бумаг, который с понедельника превратится в нескончаемый кошмар. О том, что отпуск, который я откладывала уже три года, снова не случится. Моя жизнь была клубком таких вот мелких, незначительных забот, туго стянутых в один большой узел под названием «надо» и «обязана». Голова гудела от усталости, в висках стучало, и я почти физически ощущала, как время утекает сквозь пальцы, песчинка за песчинкой, унося с собой что-то важное, что я так и не успела понять и разглядеть. Даже мое имя, странное и непонятное для современного мира, раздражало меня с самого детства. Это отец выбрал его, встречая маму, со мной на руках, возле роддома. Солнце горело огнем в прядях моих медных младенческих волос.

Наушники глушили городской шум, но не могли заглушить внутренний. Я была полностью поглощена этим белым шумом собственных мыслей, не замечая ничего вокруг. Забравшись в свою развалюшку-машину, я включила печку, чтобы согреться, и тронулась с места. Музыка продолжала свой ритм, наушники я не снимала. Переезд. Замигал светофор, предупреждающий о проходящем поезде. Успею! Я нажала с силой на газ...

Последнее, что я почувствовала – это ледяной удар по груди, короткий полет и оглушительный хруст собственных костей. Не больно. Совсем. Просто шок, будто вселенский щелбан по лбу.

И пронзительный, уходящий в никуда визг тормозов. А потом... тишина. Ничего. Ни страха, ни света в конце туннеля. Ничего, кроме плавающего в пустоте ощущения собственного «я». Мысли текли лениво, как сонные мухи по стеклу. «Ну вот и все. Кончилось. А я так и не съездила в отпуск».

Тишина была густой, как мед, и бездонной. В ней не было ни времени, ни пространства, только я-сгусток осознания, лишенный формы и памяти. Я пыталась вспомнить что-то еще из своей жизни-лицо матери, первую любовь, вкус шоколада, но все это уплывало, как дым, оставляя после себя лишь призрачный след. Только чувство невыполненного долга и легкое, почти комическое раздражение от собственной нелепой концовки. «Какой идиотский финал», – подумала я, и эта мысль показалась мне сейчас единственно настоящей. Не было ни панорамы жизни, ни видений, только тупая, будничная досада. И все же, где-то в самой глубине этого растворенного «я» тлела крошечная искра-не желания жить, нет, это было слишком громко, а скорее тихое, упрямое любопытство. А что, если? Что было бы дальше? Неужели все это-суета, отчеты и прокисшее молоко-и есть весь смысл? В этой абсолютной пустоте мое «я» вдруг яростно, до судороги, захотело ответа.

Пустота вдруг вздохнула и потеплела. В ней зародился свет. Не слепящий, а мягкий, золотой, и в нем возникла фигура. Не ангел с крыльями и не бог с бородой. Просто... Сияние в форме человека. Оно не говорило ртом, слова возникали прямо у меня в голове, тихие и безграничные, как океан.

– Эридия умирает. Магия, что была ее кровью и душой, иссякает. Мир трескается, рассыпается в прах. Ему нужен Ключ. Новая, чистая душа, незапятнанная нашим упадком.

Я не поняла ни слова. Эридия? Магия? Мне бы о коте подумать, о незаконченных отчетах на работе. Но свет словно читал меня.

– Твое тело мертво. Твой выбор-уйти в ничто или принять новую плоть. Стать надеждой для мира, который тебя не знал. Согласна ли ты?

Раздумывать было странно. Я только что убедилась, что после смерти-ничего. А тут... предложение. Пусть безумное. Жажда жизни, та самая, что заставила меня когда-то выбрать профессию врача. Резко подняла голову.

– Да. Да, я согласна! – крикнула я беззвучно в пустоту.

– Твои родители называли тебя Искрой, даже не ведая, какую истину они прозрели. Это не случайность. Не просто имя. Это – суть. Ты – не просто новая душа. Ты – та самая искра, что может разжечь угасающий огонь. Только чистая, рожденная в ином мире энергия способна дать начало новому пламени. Ты – Искра для угасающего мира. Прими же свою судьбу.

Имя, которое я носила всю жизнь, в один миг обрело невероятный, пугающий вес. Предназначение. Свет поглотил меня...

Первый сигнал-запах. Сладковатый, пыльный аромат увядшей полыни и чего-то чужого, фиалкового. Потом-тактильные ощущения. Твердая, колючая почва под спиной. Прохладный ветерок, ласкающий кожу... Кожу? Я открыла глаза. Надо мной было небо.

Но не мое, родное, сизое от смога, а чужое: лиловое, с переливами аквамарины по краям. Я лежала на поляне, усыпанной фиолетовой травой. Я была абсолютно голая. Подняла руку-и замерла. Это была не моя рука. Более длинные пальцы, более нежная, идеальная кожа без родинки на запястье, которую я всегда так не любила. Я провела ладонью по животу-плоский, упругий. По бедрам-гладкие, сильные. Грудь... больше и чувствительней. От прикосновения соски налились жаром, по телу пробежала мелкая дрожь.

Я села, смотря на свое новое тело с смесью ужаса и жгучего, почти неприличного любопытства. Это был ящик с новыми, неопробованными игрушками. Каждый нерв звенел, каждая пора дышала. Ветер обвивал лодыжки, касался внутренней стороны бедер, и я непроизвольно сжалась от странного, нарастающего возбуждения. Это было пугающе и... невероятно. Я была жива. Я была другой. Я была вся-одно сплошное, обостренное до боли

чувство. Я обняла себя за плечи, чувствуя под пальцами мурашки. Где я? Что это за мир? И что теперь будет?

Трава рядом со мной вдруг пошевелилась и с тихим хлюпающим звуком ушла вниз, обнажив участок черной, маслянистой трясины. Я отползла, сердце заколотилось. Поляна была небезопасна. Она медленно, но верно засасывала все, что на ней находилось. Страх, холодный и отчетливый, наконец пробился сквозь завесу эйфории. Я вскочила на ноги, готовая бежать, но не знала куда. Я была абсолютно одна, голая и беспомощная, в незнакомом умирающем мире.

И тут я слышала шаги.

Глава 2

Элориэль

Дни в Эридии сливались в единую, безрадостную полосу. Небо, проглатывая последние лучи угасающего солнца, окрасилось в грязно-багровые тона, словно мир истекал кровью из открытой раны. Я стоял на краю обрыва, наблюдая, как тени удлиняются и поглощают остатки света. Воздух, как всегда, был густым и тяжелым, с привкусом пепла и окисленного металла-привычный вкус упадка. Мои мысли блуждали по замкнутому кругу: распадающиеся заклинания, руины городов, чьи имена уже стерлись из памяти, и тихий, непрекращающийся гул умирающей магии. Она уходила, как вода в песок, и с каждым днем я чувствовал это все острее-сквозь собственную иссохшую силу, сквозь трещины в земле и в самой реальности. Внезапно ледяная игла чужеродной энергии вонзилась мне в сознание, вырвав из мрачного транса.

Я чувствовал всплеск задолго до того, как увидел его источник. Резкий, как удар хлыста, визг чужеродной магии разорвал унылую гармонию упадка. Это было похоже на чистую ноту, спетую в гниющем склепе. Невыносимо ярко. Невыносимо чуждо. Мой внутренний компас, всегда настроенный на искажения магического поля Эридии, указал направление. К Трясинным полям. Ирония судьбы. Место, где мир особенно старательно расползается по швам, породило нечто новое.

Путь через Трясинные поля был привычным маршрутом патрулирования, но сегодня каждый шаг давался с трудом. Воздух, насыщенный гниением, вибрировал от недавнего выброса энергии, словно после грома. Моя собственная магия, обычно инертная и подчиняющаяся лишь воле, сейчас клокотала и металась, реагируя на эхо того всплеска. Это было похоже на фантомную боль в ампутированной конечности-воспоминание о силе, которой больше не существова-

ло. Я шел, почти не глядя под ноги-тело помнило каждый безопасный камень, каждый островок твердой почвы в этом море гниющей плоти мира. Мысль отвернуться и уйти, оставив этот аномальный всплеск на произвол судьбы, была не трусостью, а холодной, расчетливой логикой выживания. Вмешиваться-значило нарушить хрупкое равновесие распада, привлечь внимание того, что пряталось в глубине трясин. Но та самая искра, что когда-то заставила меня дать Клятву-не людям, не богам, а самому камню и ветру Эридии, – тлела даже под пеплом столетий. Она и вела меня сейчас вперед, сквозь чахлый лес, к эпицентру бури, которая могла оказаться как последней надеждой, так и новым проклятием.

Я двинулся бесшумной тенью, привыкший к тому, что камни крошатся под ногами, а деревья шелестят высохшей листвой, словно костями. Этот мир медленно умирал, и я был его свидетелем. Хранителем руин. И увидел ее.

Она стояла на поляне, голая, с развевающимися на лиловом ветру медными волосами. Ее кожа, не тронутая чахлой серостью Эридии, казалась ослепительно белой, почти сияющей. Она была живым воплощением того всплеска. Не видела, что земля под ногами живая и жаждет плоти. Я наблюдал, как она в ужасе отскакивает от внезапно разверзшейся трясины. В ее движениях была грация дикого зверька, но не было никакого смысла. Никакой магической защиты. Она просто смотрела по сторонам, ища спасения, которого здесь не могло быть.

Часть меня, та, что давно смирилась с неизбежным, советовала просто развернуться и уйти. Еще одна смерть в мире, полном смертей. Что изменится? Но другая часть-та, что когда-то давала клятву хранить то, что осталось-сжалась в комок. Этот всплеск... эта чистота... Ангел Истока, неужели это то, о чем говорили пророчества? Она сделала неверный шаг, и ее нога по щиколотку ушла в черную жижу. Раздался тихий, полный отчаяния вскрик. Мыслей больше не было. Было действие. Я сорвался с места. Трясина уже тянула ее вниз, с жадным чавканьем обнимая ее голень.

– Не двигайся! – крикнул я, и мой голос прозвучал хрипло от долгого неиспользования.

Ее глаза, широкие и зеленые, как молодая листва, которую я не видел веками, уставились на меня в животном ужасе. Она замерла.

Я нашел твердый участок, послал немного магии-жалкую искру того, что когда-то было могучей силой-чтобы на мгновение укрепить грунт перед ней. Хватило на то, чтобы сделать два шага. Я схватил ее за руку. Ее кожа обожгла меня своим теплом. Она легкая. Я рывком выдернул ее из трясины, которая с негодующим хлопанием отпустила свою добычу. Она врезалась в меня, вся дрожащая, испачканная черной грязью. Ее тело прижалось к моему, и я почувствовал это снова-тот самый визг чистой магии, но теперь приглушенный, смешанный с ее страхом и теплом ее кожи. Моя собственная, иссохшая магия, отозвалась на ее прикосновение глухим, болезненным стуком, словно ожившим нервом под мертвой плотью. Она пыталась что-то сказать, захлебываясь, ее пальцы впились в мою одежду.

– Молчи, – отрезал я, сбрасывая с плеч свой плащ и закутывая ее с головой. – Двигаться нельзя. Только я.

Завернув ее в кокон, я подхватил ее на руки. Она не сопротивлялась, просто прижалась ко мне, вся напряженная, и тихо плакала. Ее дыхание было горячим у меня на шее.

Я понес ее прочь от этого гиблого места, чувствуя, как сквозь ткань плаща жжет меня ее тело. Это притяжение было тревожным. Неизбежным. Кто ты, дитя иного мира? Предвестник конца или того, что будет после? Впереди, на уступе скалы, темнели руины моего убежища-последнее место, что я мог назвать домом. Туда. Пока что-туда.

Глава 3

Бран

Сколько лун прошло с тех пор, как эльф заточил меня здесь? Я давно перестал считать. Время в каменном мешке текло иначе — днями и ночами, а приступами боли от магических оков и редкими визитами моего тюремщика. Он приходил, молча ставил миску с водой и кусок грубой лепешки, иногда что-то бормоча себе под нос на своем изысканном, мертвом языке. Я делал вид, что сплю, но сквозь прищур следил за каждым его движением, выискивая слабость, момент небрежности. Ее не было. Он был точен и холоден, как механизм. В перерывах между его визитами я предавался воспоминаниям. О лесах, что когда-то были полны жизни, о запахе хвои после дождя, о свободе бега на всех четырех лапах, когда ветер свистел в ушах. Теперь от тех лесов остался лишь прах, а я стал реликвией, диковинным зверем в коллекции последнего мага умирающего мира. Я ненавидел его не только за плен, но и за это-за то, что он заставил меня стать напоминанием о том, чего больше нет.

Камень холодный. Всегда холодный. Он впитывал тепло, высасывал силы. Но я не сдавался. Я выдыхал пар в темноту, и он рассеивался под потолком моей клетки. Я ненавидел потолок. И стены. И прутья, что пахнут горькой магией. Они жгут кожу, если прикоснуться надолго. Я ненавижу его. Эльфа. Холодного, молчаливого. Он принес меня сюда. Сказал, что изучает «упадок». Изучает, как мирдохнет. Как ядохну в этой каменной норме.

Иногда, в особенно долгие часы, я позволял себе снова принять свой человеческий облик. Это было мучительно-чувствовать, как уродливая прямота костей сковывает движения, как тупая кожа на подушечках ладоней теряет чуткость. Но в этой форме ум работал иначе, не замутненный звериной яростью. Я мог анализировать. Запоминал звук поворота ключа в замке, скрип каждой полови-